

АНАТОЛИЙ БУКАТЫНСКИЙ

18+

ТЕНЬ НАРОДНОГО ДОСТОЯНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Анатолий Букатынский

Тень народного достояния

«Издательские решения»

Букатынский А.

Тень народного достояния / А. Букатынский — «Издательские решения»,

Молодой экономист Сергей Лунгу и журналистка Марина Русу расследуют, как приватизация превратила общественное имущество в источник тайных состояний. Исчезнувшие предприятия, подставные фонды, невозвращённые кредиты и опасные свидетели ведут их к системе, в которой власть, деньги и страх связаны крепче любых документов.

Содержание

Экономический детектив	6
Аннотация	7
Глава 1. Папка после диспута	8
Интерлюдия. Сведения о приватизации	9
Глава 2. Женщина с бонами	16
Глава 3. Дом с закрытыми дверями	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Тень народного достояния

Анатолий Букатынский

© Анатолий Букатынский, 2026

ISBN 978-5-0071-3444-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор: Букатынский Анатолий

Тень народного достояния

Экономический детектив

Год издания: 2026

© Букатынский Анатолий, 2026

Все права защищены.

Произведение является художественным. Все персонажи вымышлены. Возможные совпадения с реально существующими лицами случайны.

Название: «Тень народного достоинства»

Жанр: экономический детектив

Аннотация

«Тень народного достояния» — экономический детектив о том, как под языком реформ и приватизации скрывается механизм присвоения общественного богатства. Молодой экономист Сергей Лунгу, журналистка Марина Русу и их союзники исследуют следы исчезнувших предприятий, подставных фондов, фиктивных сделок, коррупционных связей и человеческих трагедий, оставшихся за сухими отчётами.

Соединяя напряжённый сюжет с документальными интерлюдиями, книга раскрывает теневые стороны молдавской экономики 1990-х и начала 2000-х годов: приватизацию, рейдерские захваты, невозвращённые кредиты, налоговые схемы, коррупцию в социальной сфере и контрабанду. Это история не только о похищенной собственности, но и о цене молчания, личной ответственности и попытке вернуть людям право понимать, что произошло с их страной.

Глава 1. Папка после диспута

В большом зале Дома правительства было жарко, хотя за окнами стоял промозглый мартовский день. Старые батареи шипели под подоконниками, тяжёлые шторы не пропускали света, и лица людей в первых рядах казались плоскими, как на плохо напечатанной газетной фотографии.

Сергей Лунгу сидел ближе к проходу и уже полчаса не делал никаких пометок.

Не потому, что ему нечего было записывать. Наоборот — выступающий говорил много. Слишком много. Слова падали ровно, уверенно, как монеты в счётную машинку: реформа, рынок, эффективность, частная инициатива, европейский путь, новый собственник.

На трибуне стоял молодой эксперт в дорогом сером костюме. Он улыбался залу так, будто заранее простил всех, кто не успел понять историческую необходимость происходящего.

— Мы должны наконец признать, — говорил он, легко касаясь пальцами микрофона, — что прежняя экономика была нежизнеспособной. Республика получила шанс начать заново. Приватизация — это не разрушение, а оздоровление. Да, процесс болезненный. Но рынок всё расставит по местам.

Кто-то в первом ряду одобрительно закивал. Женщина из министерства, которую Сергей видел на подобных мероприятиях уже третий раз, быстро записала эту фразу в блокнот. Возможно, потом она войдёт в пресс-релиз — чуть приглаженная, с правильными запятыми и без единого человеческого лица.

Интерлюдия. Сведения о приватизации

Согласно закону о приватизации, принятому в 1991 году, всё население, вне зависимости от того, работал человек или не работал на данном предприятии либо вообще не работал, получило боны народного достояния. Причём больше всего бонов получили пенсионеры с большим трудовым стажем, а меньше всего — несовершеннолетние, у которых, естественно, такого стажа не было. Единицей измерения бонов народного достояния в 1991 году, когда принимали закон, был ещё советский рубль. Однако сам процесс приватизации начался только в 1994 году, когда уже действовала национальная валюта — лей. Поэтому боны пришлось перевести в так называемые условные единицы, что внесло большую путаницу: многие, особенно простые люди, не понимали, что такое условная единица, чем она отличается, предположим, от действующей валюты и как её, собственно, измерить. После принятия парламентом законов о приватизации сам процесс подготовки приватизации затянулся, как уже отмечалось, на три года. Это оказало поистине трагическое влияние на молдавскую экономику. Дело в том, что многие руководители предприятий были предоставлены сами себе.

Правительство, избрав либеральную форму управления экономикой, практически само устранилось от контроля над государственной собственностью, и она оказалась в полном распоряжении руководителей предприятий. Ну а те, будучи бесконтрольными и зная о том, что рано или поздно начнётся процесс приватизации, вовсю, налево и направо, стали её разбазаривать и растаскивать. В результате этого к началу приватизации в 1994 году большинство предприятий стали убыточными. Многие лишились оборудования, оборотных средств и другого имущества.

На финансовое положение предприятий отрицательно повлияла и непродуманная денежная реформа, состоявшая в замене бывшей союзной валюты национальной. На смену советскому рублю пришёл молдавский лей. В результате этого перехода 1000 купонов, или 1000 рублей, менялись на один лей. Из-за этого большинство предприятий остались без оборотных средств. Да тут ещё начался процесс приватизации, который совпал с разрушением всех налаженных при бывшем Союзе экономических связей. В итоге предприятия накопили громадные долги. С этого начался процесс приватизации.

Для проведения приватизации при правительстве был создан Департамент приватизации, который возглавил архитектор молдавской приватизации господин Виссарион Чешой. Однако с началом массового процесса приватизации департамент расформировали; вместо него было создано Министерство приватизации и управления государственным имуществом, которое возглавил господин Чеслав Чебан.

Приватизация проходила под контролем и методологическим руководством американских экспертов. Для организации приватизации предприятий были созданы, во-первых, инвестиционные фонды и трастовые компании, которые аккумулировали боны народного достояния и от имени их вкладчиков (владельцев бонов) участвовали в аукционах и закупали акции тех или иных предприятий.

Одновременно были созданы так называемые объединения владельцев бонов, которые также приватизировали те или иные предприятия.

Согласно закону о приватизации, проходили два основных типа аукционов. Крупные государственные предприятия преобразовывались в акционерные общества, а их акции продавали на открытых аукционах. Другие предприятия (в основном средние и мелкие) подлежали приватизации так называемым единым имущественным комплексом. Эти предприятия обычно продавали сразу и целиком одному, как правило, юридическому лицу, то есть инвестиционному фонду или объединению владельцев бонов.

Сергей посмотрел на листок перед собой. Там было всего три слова:

Кто забрал заводы?

Он написал их ещё утром, в Институте экономики, на обороте старого приглашения.

В институте в тот час пахло мокрыми пальто, архивной пылью и дешёвым кофе из автомата у лестницы. Сергей пришёл раньше обычного: в читальном зале ещё не включили все лампы, уборщица возила по коридору ведро, а за дверями кабинетов звучали кашель и негромкое радио. На его столе лежали отчёты о преобразовании собственности, вырезки из газет, копии постановлений, таблицы с одинаково сухими словами: «реорганизация», «пакет», «оптимизация», «убыточность».

Михаил Степанович, его научный руководитель, появился без стука. Он всегда так входил — будто кабинет был не помещением, а продолжением разговора, начатого много лет назад.

— Опять ночевал с бумажками? — спросил он и снял с подоконника Сергеев стакан с остывшим чаем.

— Не ночевал. Почти.

Михаил Степанович был из тех экономистов, кто ещё помнил цену бухгалтерской строке до того, как её научились превращать в политический лозунг. В молодости он писал о кооперации, потом — о переходной экономике, потом всё чаще отказывался выступать там, где от него ждали не анализа, а приличного оправдания.

Он взял листок с тремя словами, прочитал и положил обратно.

— На диспут с этим пойдёшь?

— Пойду слушать.

— Врёшь. Ты пойдёшь спорить.

Сергей промолчал.

Михаил Степанович опустился на стул напротив, долго смотрел на папки, потом сказал тише:

— Серёжа, диссертацию можно написать о чём угодно. О рынке ценных бумаг, о фондах, о приватизационных бонах, о формировании собственника. Защитишься, получишь степень, будешь читать лекции. Но если ты хочешь понять, что на самом деле произошло, тебе придётся выйти из таблиц.

— Таблицы хотя бы не врут.

— Врут. Только вежливо. Самые опасные вещи у нас всегда писались вежливым языком.

Он придвинул Сергею тонкую папку с несколькими копиями.

— Посмотри после диспута. Не сейчас. Там не сенсация. Просто мелкие совпадения: одна и та же фамилия в разных списках, доверенности, фонд, который слишком быстро стал крупным акционером. Этого мало даже для статьи. Но для вопроса — достаточно.

— Вы сами почему не подняли эту тему?

Михаил Степанович усмехнулся, без веселья.

— Поднимал. Когда ты ещё в школе учился. Тогда мне объяснили, что экономика должна помогать реформе, а не мешать ей. Потом объясняли мягче: «не время», «нет доказательств», «люди устали». Потом перестали объяснять. Я стал старым, удобным и осторожным. А ты пока нет.

Он встал, поправил на полке перекошенный том статистического ежегодника.

— Только запомни: ты не следователь и не герой. Ты экономист. Твоя сила — не в том, чтобы поймать кого-то за руку. Твоя сила — показать, как рука устроена. Механизм, Серёжа. Ищи механизм.

Теперь, в душном зале Дома правительства, это слово всё время возвращалось к Сергею. Механизм. Не ошибка. Не хаос. Не «трудности переходного периода». Что-то собранное, смазанное, прикрытое печатями и красивыми докладами.

— Простите, можно вопрос?

Сергей сам не сразу понял, что сказал это вслух.

Эксперт на трибуне замолчал. Председатель повернул голову. В зале прошёл лёгкий шум — тот самый, который появляется не от интереса, а от предчувствия неловкости.

— Представьтесь, пожалуйста, — сказал председатель.

— Сергей Лунгу. Институт экономики.

На слове «институт» несколько человек посмотрели внимательнее. Одно дело — недовольный гражданин. Другое — человек с научной табличкой, которому всё-таки приходится отвечать.

— Коротко, пожалуйста. У нас регламент.

Сергей поднялся. Он не любил говорить стоя в зале: человек с места всегда выглядит просителем. Но сейчас это было даже кстати. Просителем он не был.

— Вы сказали: рынок всё расставит по местам. Я хочу уточнить — по каким именно местам? Если предприятие работало, имело оборудование, склады, специалистов, заказы, а после приватизации от него остались стены и долги, это тоже рынок расставил?

Эксперт улыбнулся чуть шире.

— Надо смотреть конкретно. Многие предприятия были неконкурентоспособны.

— Тогда второй вопрос. Если они были неконкурентоспособны, почему за их акции боролись фонды, посредники и люди, которые раньше к производству не имели никакого отношения?

В зале стало тише.

У столика прессы подняла глаза женщина с короткой стрижкой и большим диктофоном. Сергей узнал её не сразу, хотя её лицо часто мелькало на газетных полосах и в вечерних эфирах. Марина Русу. Журналистка, о которой чиновники говорили с раздражением и уважением одновременно: «пишет на грани фола». Она не боялась неудобных тем, но умела останавливаться ровно там, где вопрос ещё не превращался в иск о клевете.

Марина не вмешалась. Только поставила на полях своего блокнота жирный знак вопроса.

Председатель взял ручку и постучал ею по папке.

— Коллеги, давайте без обвинений. Мы обсуждаем принципы реформы.

— Я тоже о принципах, — сказал Сергей. — Населению раздали боны народного достоинства. Людям объяснили, что они становятся собственниками. Где это достояние теперь? У кого оно оказалось?

В заднем ряду кто-то тихо сказал:

— Правильно спрашивает.

Сергей не обернулся.

Эксперт перестал улыбаться.

— Вы упрощаете сложный исторический процесс. В переходный период всегда бывают издержки.

— Издержки — это когда ошиблись в расчёте, — ответил Сергей. — А когда имущество уходит по цепочке через фонды, доверенности, закрытые собрания и странные оценки, это уже не издержки. Это механизм.

Последнее слово повисло в зале отдельно от остальных.

Механизм.

Сергей увидел, как мужчина у стены, до этого лениво листавший программу мероприятия, поднял глаза. Он был не из журналистов и не из министерских. Такие люди обычно не задают вопросов и не пишут отчётов. Они просто присутствуют, чтобы потом кто-то знал, кто что сказал.

— У вас есть документы? — спросил эксперт.

Вопрос прозвучал с вызовом. В нём было даже облегчение: сейчас неудобный человек либо начнёт говорить общими словами, либо вынужден будет замолчать.

Сергей почувствовал в кармане тонкую институтскую папку Михаила Степановича. Там были копии, обрывки, совпадения. Не доказательства. Не то, что можно поднять над головой в зале и сказать: вот оно.

— Пока нет, — сказал он.

По залу прошёл смешок. Председатель тут же воспользовался моментом.

— Вот именно. Поэтому прошу участников придерживаться фактов, а не эмоций.

Сергей сел.

Он мог бы возразить, что факты не всегда лежат на столе у тех, кто требует фактов. Иногда они спрятаны в сейфах, архивах, чужих квартирах, в памяти людей, которые боятся говорить. Но он промолчал. Слова в таких залах редко что меняют. Здесь слушают не того, кто прав, а того, кто допущен к микрофону.

Круглый стол закончился через сорок минут. Председатель поблагодарил участников за конструктивный обмен мнениями. Эксперт снова говорил о доверии к реформам. Женщина из министерства собрала свои бумаги. Марина Русу задержалась у выхода, кому-то коротко сказала: «Не вырезайте вопрос Лунгу, он важнее ответа», — и исчезла в толпе журналистов. Мужчина у стены ушёл раньше остальных.

Сергей вышел в коридор и остановился у окна.

За мутным стеклом серел город. Машины тянулись по мокрой улице, люди перебежали дорогу, подняв воротники. Всё было обыкновенно. Именно это раздражало Сергея больше всего: обыкновенность. Слишком многое происходило так, будто ничего особенного не случилось. Закрыли завод — бывает. Исчезло имущество — не выдержали рынка. Люди остались без работы — переходный период. Старики продали боны за бутылку водки или за обещание будущих дивидендов — сами виноваты, не разобрались.

— Сергей Николаевич?

Он обернулся.

Перед ним стояла пожилая женщина в тёмном пальто. Пальто было аккуратное, но старое; на рукаве блестела вытертая ткань. В руках она держала коричневую папку на тесёмках. Пальцы у неё были сухие, с узловатыми суставами, ногти коротко обрезаны — руки человека, который всю жизнь считал чужие деньги и боялся ошибиться на копейку.

— Да.

— Вы сегодня правильно спросили.

Сергей внимательно посмотрел на неё. Лицо усталое, глаза беспокойные. Не из тех, кто приходит на круглые столы из любопытства.

— Мы знакомы?

— Нет. И лучше, чтобы не были знакомы.

Она сказала это тихо, почти без выражения, но Сергей почувствовал, как внутри что-то насторожилось.

— Кто вы?

Женщина посмотрела в сторону лестницы. По коридору проходили двое мужчин, разговаривая о кофе и машине. Она дождалась, пока они удалятся.

— Я работала бухгалтером на заводе. Давно. Когда всё это начиналось. Вера Петровна. Этого пока достаточно.

— На каком заводе?

— Пока не спрашивайте. Если начнёте с названия, вас быстро поведут не туда.

Она протянула папку.

— Здесь копии. Не всё. Только то, что удалось сохранить. Акты, списки, решения собраний, письма. Там есть фамилии, но вы не спешите им верить. Некоторые подписывали, не понимая. Некоторые понимали слишком хорошо.

Сергей не взял папку сразу.

— Почему вы отдаёте это мне?

Женщина впервые посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что вы сегодня сказали слово, которое они не любят.

— Какое?

— Механизм.

Где-то в конце коридора хлопнула дверь. Вера Петровна вздрогнула и быстро сунула папку Сергею в руки. На секунду её лицо стало не старым, а совсем живым — испуганным, упрямым, злым.

— Если захотите понять, как всё началось, ищите тех, кто скупал боны. Не тех, кто потом сидел в кабинетах. Начинайте с тех, кто ходил по дворам, заходил в примарии, собирал подписи, приводил людей к нотариусам.

— Подождите. Как мне вас найти?

— Никак.

— Но если понадобится уточнить...

— Вам понадобится. Но вы меня не найдёте.

Она повернулась и пошла к лестнице.

Сергей сделал шаг за ней.

— Скажите хотя бы, кому угрожает эта папка?

Женщина остановилась, не оборачиваясь.

— Всем, кто думал, что люди всё забыли.

Через минуту её уже не было.

Сергей остался у окна с папкой в руках. Тесёмки были завязаны туго, по-старому, как завязывали архивные дела в бухгалтериях и канцеляриях. На обложке не было названия. Только маленькая наклейка в правом верхнем углу, пожелтевшая от времени.

На ней синими чернилами было написано:

БНД. Списки. Фонд «Восход».

Он открыл папку не сразу. Сначала посмотрел на коридор. Потом на лестницу. Потом снова на коридор.

И только тогда понял, что за ним наблюдают.

У выхода, возле стенда с официальными объявлениями, стоял тот самый мужчина, который во время диспута молча поднял глаза после слова «механизм». Теперь он не делал вид, что читает программу. Он просто смотрел на Сергея.

Спокойно. Без злости. Даже без интереса.

Так смотрят не на человека, а на проблему, которую ещё можно решить без лишнего шума.

Сергей опустил папку под мышку и вышел из здания через боковую дверь. На улице моросил дождь, мелкий, как пыль. Он прошёл два квартала пешком, потом сел не в тот троллейбус, который вёл к дому, вышел у рынка, купил в киоске ненужную газету и только после этого поймал такси. Всё это выглядело смешно и неумело; он сам понимал. Он не был человеком хвостов, явок и слежки. Он был человеком таблиц. Но папка под мышкой делала город теснее.

Вечером телефон зазвонил, когда он уже разложил первые листы на кухонном столе.

Квартира была маленькая, с узким балконом и старым холодильником, который гудел так, будто тоже пытался что-то доказать. На столе стояла чашка холодного чая, рядом — карандаш, лупа, институтская папка Михаила Степановича и коричневая папка Веры Петровны. Бумаги пахли пылью, сыростью и чужими шкафами.

Номер был скрыт.

Сергей некоторое время смотрел на экран, потом нажал кнопку.

— Слушаю.

В трубке молчали.

— Говорите.

Голос был мужской, негромкий, почти вежливый.

— Сергей Николаевич, вы сегодня красиво выступили.

— Кто это?

— Человек, который не хочет, чтобы вы тратили время зря.

Сергей посмотрел на разложенные бумаги. В одном из списков повторялась одна и та же фамилия. Рядом — номера доверенностей, даты, количество бонгов.

— И на что же я трачу время?

— На старые дела. Они никому уже не нужны.

— Если не нужны, почему вы звоните?

На другом конце тихо усмехнулись.

— Потому что старые дела иногда плохо пахнут, когда их достают из земли.

Связь оборвалась.

Сергей ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом медленно положил его на стол.

За окном темнело. По стеклу ползли редкие капли дождя. С площадки донёсся шорох — сосед, пакет, лифт, что угодно. Но после звонка квартира казалась другой: стены тоньше, окно темнее, лестничная площадка ближе.

Он взял верхний лист папки и начал читать сначала.

Сначала это были просто фамилии. Много фамилий, написанных неровным канцелярским почерком: одни — напротив количества бонгов, другие — напротив номеров доверенностей, третьи — в графе «представитель». Но через несколько минут фамилии перестали быть фамилиями. Они сложились в движение денег.

Вот старик из спального района отдаёт свой бон за обещание будущих дивидендов. Вот женщина приносит бонны мужа и сына, потому что сосед сказал: «иначе пропадут». Вот посредник собирает десятки таких доверенностей и исчезает за дверью фонда. Вот фонд получает пакет акций. Вот предприятие, которое ещё вчера принадлежало всем, оказывается ничьим — то есть самым удобным образом уже чьим-то.

Сергей провёл пальцем по строке и вдруг ясно увидел то, чего не было видно на диспуте.

Капитал не появился из воздуха. Его не заработали в цехах, не накопили на производстве, не привезли как инвестицию. Его собрали по подъездам, по сельским конторам, по очередям у нотариусов, по человеческой растерянности. Собрали мелкими бумажками, каждая из которых сама по себе почти ничего не стоила, но вместе открывала дверь к заводам, складам, земле и власти.

И если это было правдой, то приватизация была не ошибкой молодого государства. Она была языком, на котором новая власть разговаривала с будущими хозяевами.

Сергей взял карандаш и обвёл три повторяющихся имени. Потом ещё одно. Потом название фонда: «Восход».

Он уже знал: утром нельзя идти ни в министерство, ни в редакцию, ни даже к Марине Русу, хотя именно она умела превращать документы в вопрос, от которого чиновники начинали пить воду. Сначала надо понять, кто перед ним — чиновники, мошенники или люди, которые умеют превращать бумагу в страх.

В старой записной книжке, между номерами бывших коллег и давно закрытых учреждений, он нашёл фамилию, которую не набирал несколько лет.

Виктор Дамиан.

Когда-то Дамиан работал следователем. О нём рассказывали по-разному: что он вытаскивал дела, которые уже собирались тихо похоронить; что ругался с начальством; что однажды слишком близко подошёл к людям, для которых закон был не правилом, а инструментом.

Потом он ушёл. Теперь числился частным детективом, хотя сам называл свою работу проще: «нахожу то, что другие старательно не видят».

Сергей посмотрел на часы. Полночь прошла двадцать минут назад.

Он всё равно нажал вызов.

Дамиан ответил не сразу. В трубке что-то щёлкнуло, кто-то на заднем плане выругался, потом хриплый голос сказал:

— Если ты звонишь мне после полуночи, Сергей, значит, у тебя либо труп, либо документы. Что на этот раз?

Сергей посмотрел на папку, на обведённые фамилии, на слово «механизм», которое сам написал на полях.

— Документы, — сказал он. — Но мне кажется, трупы там тоже есть. Просто они пока числятся предприятиями.

На том конце стало тихо.

— Адрес знаешь, — сказал Дамиан. — Только выходи не через парадную.

До рассвета оставалось восемь часов.

И за эти восемь часов Сергей Лунгу должен был решить, что перед ним: обрывки чужой обиды — или первая нитка к системе, которая много лет училась выглядеть законом.

Глава 2. Женщина с бонами

Утро после диспута началось не с газет и не с звонков. Оно началось с запаха перегретого кофе в комнате Виктора Дамиана.

Дамиан жил и работал в двух комнатах старого дома недалеко от рынка. На двери висела скромная табличка: «Консультации». Ни фамилии, ни звания, ни обещаний вернуть украденное. В прихожей стояли две пары мужских ботинок, старый зонт с погнутой спицей и железная вешалка, на которой пальто всегда висели так, будто хозяин собирался уйти через минуту.

Сергей пришёл к нему с папкой под мышкой. После ночного звонка он спал плохо: то вставал проверить замок, то подходил к окну, то снова садился за стол и перечитывал листы, которые передала ему Вера Петровна. На бумагах всё выглядело сухо: доверенность, заявление, подпись, дата. Но сухость была обманчива. В каждой строке кто-то отдал право на свою долю, иногда не понимая, что отдаёт.

— Показывай, — сказал Дамиан без приветствия.

Он говорил так не от грубости. Просто в его прежней работе приветствия редко помогали делу. Когда-то Виктор Дамиан был следователем, из тех, кого звали на сложные дела, когда уже не хватало обычного протокола. Он расследовал убийство директора рынка, дело о пропавшем кассире, поджог склада с документами, где официально сгорела только бумага, а на самом деле исчезла целая цепочка собственности. Потом ушёл. В газетах писали — по состоянию здоровья. Знакомые знали другое: он отказался закрыть дело, в котором следы вели слишком высоко, и ему дали выбор — уйти самому или уйдут за него.

С тех пор он работал частным образом. Искал должников, проверял партнёров, находил пропавших родственников, иногда помогал людям, которые не могли позволить себе адвоката. Громких слов о справедливости он не любил.

— Справедливость, — говорил он, — хорошее слово для тоста. В работе лучше иметь адрес, время и номер машины.

Сергей разложил копии на столе. На стене за спиной Дамиана висела карта города с цветными булавками. Рядом — маленькая полка с папками. На одной было написано: «люди». На другой: «фирмы». Третья стояла без подписи.

Виктор смотрел быстро. Для Сергея главным были повторяющиеся фамилии, фонд, даты передачи бонгов. Дамиан видел другое: одинаковый почерк в заявлениях, странную близость дат, доверенности, составленные так, будто пожилые люди в один и тот же день вдруг решили одинаково распорядиться своим будущим.

— Это не экономика, — сказал он наконец.

— А что?

— Экономика тут как приличная вывеска. Смотри. Вот старик передаёт право распоряжаться бонами. Вот женщина. Вот ещё пятнадцать человек. Представитель один и тот же. Нотариус другой, но день рядом. Потом всё уходит в фонд. Фонд голосует пакетом. Вопрос не в том, сколько стоил бон. Вопрос, кто собрал людей в одну руку.

Сергей сел напротив. Ему стало неловко за вчерашнюю уверенность. На диспуте он говорил о механизме почти как о формуле. Теперь формула имела человеческие подписи: дрожащие, кривые, иногда поставленные вместо фамилии крестиком.

— И ещё вопрос, — добавил Дамиан. — Где женщина, которая дала тебе папку?

К полудню они уже стояли в подъезде на окраине. Адрес Веры Петровны был в старой справке, вложенной между копиями. Подъезд пах сыростью, жареным луком и кошачьей шерстью. Возле лифта кто-то давно написал: «Не верьте фондам». Надпись замазали известкой, но буквы проступали серыми теньями, как синяки под пудрой.

Дверь открыла соседка в шерстяной кофте.

— Веры Петровны нет, — сказала она, едва услышав имя.

— Куда ушла?

— Уехала.

— К родственникам?

Женщина посмотрела через их плечи в тёмный пролёт лестницы.

— Наверное.

Дамиан не стал давить. Он только спросил, когда именно Вера Петровна уехала. Соседка ответила: «позавчера вечером», потом поправились: «нет, вчера». А через десять минут другая старушка с первого этажа уверенно сказала, что видела Веру Петровну утром — с маленькой сумкой, не похожей на дорожную.

— Значит, она не уехала, — сказал Сергей, когда они вышли во двор.

— Значит, она боится, — ответил Дамиан. — И, возможно, правильно делает.

Во дворе сушилось бельё. Под ним, на лавочке, сидели две женщины и чистили семечки. Они замолчали, когда мужчины прошли мимо. Такие дворы умели хранить тайны лучше сейфов: не потому что люди были скрытные, а потому что слишком долго жили с привычкой не замечать чужую беду, чтобы не получить свою.

Марина появилась в деле после обеда.

Сергей позвонил ей из автомата возле рынка, потому что Дамиан не разрешил звонить из дома. Они встретились в маленьком кафе, где музыка играла так громко, что чужой разговор трудно было расслышать. Марина пришла в коротком тёмном пальто, с диктофоном в сумке и глазами человека, который уже понял, что обычной заметкой дело не кончится.

Она была моложе Сергея, но в редакции её знали как журналистку, которая берёт темы, от которых другие вежливо отказываются. Её материалы часто называли «на грани фола»: слишком близко к фамилиям, слишком настойчиво к документам, слишком мало уважения к людям, привыкшим говорить через пресс-секретарей. За это её любили читатели и недолюбливали чиновники. Редактор ругал её почти каждую неделю, но печатал.

Марина листала копии, не перебивая.

— Тема старая, — сказала она наконец. — Людям двадцать раз объясняли: приватизация была болезненной, но законной. Скажут, что ты копаешься в прошлом.

— Поэтому надо начать не с закона.

— А с чего?

— С тех, кто отдал боны.

Марина подняла глаза.

— С людей?

— Да. Если мы не поймём, как их убеждали, мы не поймём механизм.

Она закрыла папку.

— Тогда мне нужны не только квитанции. Мне нужны кухни, подъезды, имена тех, кто ходил по квартирам. У каждой схемы есть ноги.

Дамиан, до этого молчавший, усмехнулся.

— Вот теперь вы говорите как следователь.

Первой была Елена Ивановна, бывшая работница швейной фабрики. Она долго не хотела открывать. Потом впустила одну Марину, а Сергея оставила на площадке. Мужчины с папками больше не внушали ей доверия.

Кухня у неё была маленькая, с окном на соседний дом. На подоконнике стояли две банки с пуговицами, на стене висел календарь пятилетней давности, а клеёнка на столе была протёрта до белых пятен. На холодильнике под магнитом держалась пожелтевшая квитанция о передаче бонов в фонд. Елена Ивановна сохранила её «на всякий случай», хотя сама уже не могла объяснить, какой случай ждёт.

— Пришёл молодой человек, — рассказывала она. — Вежливый. Не такой, знаете, чтобы грубить. С портфелем. Сказал: если не сдадим сейчас, пропадёт. Кто тогда разбирался? Нам говорили: будете акционерами, будут дивиденды. Я ещё сына уговаривала: давай, пока все сдают. А потом тишина. Ни денег, ни писем. Только одна бумажка пришла, что предприятие убыточное.

— Вы знали, куда именно передали боны?

Она сняла с холодильника квитанцию и подвинула Марине.

Фонд назывался «Восход».

Название было светлое, почти праздничное. От этого становилось только темнее.

Потом была семья Раку. Муж умер, сын уехал на стройку в Италию, дочь торговала на рынке. В их шкафу до сих пор лежала папка: копия бона, квитанция, письмо фонда и газетная вырезка с обещанием «народного капитализма». Хозяйка показывала документы так, будто показывала семейную болезнь.

— Мы не жадничали, — сказала дочь. — Мы просто думали: раз государство говорит, значит, правда. Мама тогда плакала: наконец-то и у простых людей что-то будет. А получилось — мы сами отнесли им ключ.

— Какой ключ? — спросил Сергей.

Женщина постучала пальцем по квитанции.

— К тому, что и так было нашим.

Третья история была похожа. Четвёртая — тоже. Менялись лица, этажи, чашки с дешёвым чаем, но повторялось главное: людей торопили, путали, убеждали, пугали, что они останутся ни с чем. И каждый раз где-то рядом появлялся «Восход» — то прямо, то через посредника, то через доверенность на человека, которого никто теперь не помнил.

К вечеру Марина нашла соседку, которая вспомнила фамилию агитатора. Не точно, с ошибкой, но вспомнила.

— Толя с портфелем, — сказала она. — Так его во дворе называли. Он приходил не один. С ним была женщина из ЖЭКа. Она говорила: не бойтесь, всё законно, все уже сдают.

— Вот тебе и государство в прихожей, — тихо сказала Марина.

Эту женщину из ЖЭКа они нашли ближе к ночи. Она жила в другом районе, в доме с узкими лестницами и лампочками без плафонов. Дверь открыла не сразу. На вопрос о бонах сперва рассердилась, потом испугалась, потом заплакала от злости на собственный страх.

— Я ничего не брала! — повторяла она. — Мне сказали помочь людям заполнить бумаги. Я тогда в ЖЭКе работала, зарплату по три месяца не давали. Пришёл человек, показал письмо, сказал: надо организовать. Я что, юрист? Я сама свои боны туда же отдала.

— Кто пришёл?

Она долго молчала, глядя на кухонную занавеску. На плите кипел чайник, но никто не вставал его выключить. Наконец назвала фамилию.

Сергей записал её и почувствовал неприятный холод: эта фамилия уже была в одном из приложений к документам фонда, только там человек проходил как «представитель группы владельцев».

— Вы понимаете, что вас использовали? — спросила Марина мягче, чем Сергей ожидал.

Женщина вытерла глаза рукавом халата.

— Теперь понимаю. Тогда все кого-то использовали. Одни нас, мы соседей, соседи надежду. Вы думаете, обман всегда приходит с ножом? Нет. Он приходит с печатью и говорит: подпишите здесь, так будет правильно.

На обратном пути Сергей почти не говорил. Ему было важно сохранить эту фразу. В ней было больше правды, чем в десятке отчётов: обман приходит с печатью. И если они хотели написать не обвинительную листовку, а книгу о механизме, им предстояло показать именно это: как преступление научилось ходить по домам в приличном пальто.

Поздно вечером Дамиан принёс ещё одну новость. Через старого знакомого он проверил «Толю с портфелем». Человек давно не числился ни в фонде, ни в кооперативе. Зато его брат был учредителем небольшой охранной фирмы, которая позже обслуживала склады бывшего завода.

Марина устало потёрла лицо.

— Они везде родственники?

— Не везде, — ответил Виктор. — Только там, где деньги.

Сергей положил рядом две бумаги: доверенность Елены Ивановны и договор охраны. Между ними не было прямой линии. Но теперь он знал: расследование будет состоять именно из таких невидимых мостиков. Бумага сама по себе молчала. Говорить она начинала только тогда, когда рядом появлялся человек, помнивший подъезд, чужую улыбку и фразу «все уже подписали».

Перед уходом Марина задержалась у двери.

— Ты понимаешь, что если Вера Петровна исчезла из-за этой папки, мы уже не просто пишем материал?

— Понимаю.

— Нет, Серёжа. Пока не понимаешь. Материал можно отложить. Человека нельзя.

Он хотел ответить, но Дамиан погасил настольную лампу и сказал:

— Завтра пойдём в фонд.

— В «Восход»?

— К тем, кто считает, что вход туда только для своих.

За окном рынок уже стихал. Где-то грузили ящики, кто-то ругался возле машины, собака рылась в мусорном баке. Обычная вечерняя жизнь продолжалась, будто ничего не произошло. Только теперь Сергей видел в ней другие линии: от кухни Елены Ивановны к фонду, от фонда к охранной фирме, от охранной фирмы к складам бывшего завода. И где-то между этими линиями исчезла Вера Петровна.

Интерлюдия. Теневая приватизация

Большинство инвестиционных фондов изначально, будучи ориентированными на процесс приватизации, не задумывались о том, что после его окончания необходимо будет искать пути реанимации предприятий, разыскивать реальных инвесторов, которые смогли бы вложить деньги в их развитие. Кроме того, для надзора за деятельностью инвестиционных фондов была создана Государственная комиссия по рынку ценных бумаг, которая жёстко следила за исполнением соответствующих законов и, по сути, не давала им возможности привлекать инвесторов. Для этого существовала масса формальных поводов, и даже те фонды, которые имели возможность привлечь иностранного или местного инвестора, из-за многочисленных бюрократических ограничений сделать этого не могли. Поэтому предпринимательская деятельность инвестиционных фондов и трастовых компаний начала в массовом порядке уходить в тень.

Как же происходил этот процесс? Начался он во многом ещё в период сбора у населения бонов народного достояния. Многие граждане, не имея понятия о механизме приватизации, отдавали боны буквально даром или за бесценок — за несколько леев или за бутылку водки. Таким путём собирала боны одна известная в стране трастовая компания. За короткий срок её агенты и сотрудники сумели привлечь огромное количество бонов, причём боны приобретались теневыми методами: скупались, выманивались обманом и другими нечестными способами. Подобным образом собирала боны у населения одна из известных в своё время групп инвестиционных фондов. Похожими методами действовали и другие крупные фонды, причём нелегальный сбор бонов часто происходил путём массового обмана населения с помощью дезинформации и заведомо невыполнимых обещаний.

Многие инвестиционные фонды учреждались с помощью лиц, работавших во властных структурах, крупных чиновников, функционеров, банкиров или же преступных элементов. Накопив в своём распоряжении огромное количество бонов, они участвовали в аукционных конкурсах и фактически сумели приобрести акции наиболее лакомых предприятий, которые давали возможность в дальнейшем получать большие прибыли, не вкладывая никаких средств, потому что предприятия тогда ещё были, как говорится, на плаву.

Получив контрольные пакеты акций, руководство крупных инвестиционных фондов и трастовых компаний начало, как уже отмечалось, кампанию по фактическому переходу собственности от действующих руководителей предприятий к новому руководству, которое назначалось или избиралось на собраниях этих акционерных обществ под контролем учредителей указанных инвестиционных фондов. Переход предприятий под формальное управление новых владельцев можно считать началом процесса их фактической теневой приватизации. Он происходил следующим образом. Новый руководитель предприятия — или прежний, если он оставался в результате реорганизации, — приглашался к руководству фонда, и ему предлагалось ежемесячно приносить деньги чёрным налом, причём суммы различались в зависимости от доходности предприятия. Это могло быть от 300 леев до 10 тысяч долларов в месяц. Таким путём многие фонды сумели обеспечить себе огромные теневые капиталы.

Большинство офисов инвестиционных фондов располагались в престижных зданиях с евроремонтом. Вход и доступ туда рядовым акционерам был ограничен. Для них имелись так называемые общественные приёмные, где сидели второстепенные чиновники. На возмущённые обращения рядовых акционеров о том, что они не могут добиться дивидендов или каких-либо выплат по вложенным бонам и акциям, те давали стандартные ответы: финансовое положение предприятий плохое, экономика страны в кризисе, поэтому надо ждать, когда предприятия встанут на ноги.

После того как парламентом было принято решение о том, что активы одного фонда не должны превышать 25% всей стоимости акций предприятия, руководители инвестиционных фондов стали искать возможность обхода этого положения. Законодателями это было сделано, как уже отмечалось, с целью недопущения концентрации контрольных пакетов акций в руках одного владельца и бесконтрольного распоряжения активами. Владельцы или руководители фондов путём сговора формально передавали пакет акций одного предприятия от одного инвестиционного фонда к другому. Подчёркиваю: формально, потому что фактически эти активы продолжали находиться в управлении того же инвестиционного фонда. Однако на бумаге произошёл обмен, и фонды вроде как перестали владеть пакетами акций, превышающими 25%. За этим, кстати, тоже формально строго следила Государственная комиссия по рынку ценных бумаг.

Инвестиционные фонды разработали и внедрили механизм вывода в тень денежных средств с приватизированных предприятий. Имея под контролем несколько инвестиционных фондов, их руководители располагали контрольными пакетами акций почти во всех предприятиях, входивших в сферу их влияния. Это давало возможность фирмам-менеджерам формировать советы акционерных обществ из своих людей, соответственно, сменять и назначать директоров, а дальше было делом техники. Руководителям предприятий предлагали передавать им определённую сумму чёрным налом. Бывали, конечно, и сбои. Некоторые руководители предприятий отказывались платить наличными — тогда их смещали. Если же на сторону честных руководителей становились местные власти, главы фондов затевали судебную волокиту, различного рода тяжбы, которые приводили к смене руководителей или же разорению предприятий.

Подобная теневая структура позволяла руководителям фондов обходить Закон об инвестиционных фондах, предписывавший владеть не более чем 25% акций одного предприятия. Задача решалась простым перераспределением пакета акций между «своими» фондами.

Об этом механизме были прекрасно осведомлены сотрудники Государственной комиссии по рынку ценных бумаг, обсуждали его в кулуарах, но формально всё было в порядке, и никто не хотел вникать в суть дела. Такими же методами осуществляли теневую приватизацию руководители других инвестиционных фондов и трастовых компаний.

Глава 3. Дом с закрытыми дверями

Утром Дамиан велел не подходить к зданию вместе.

— Мы не делегация обиженных граждан, — сказал он, когда они встретились у газетного киоска на соседней улице. — Делегации здесь умеют разворачивать ещё у порога. Сергей, ты зайдешь первым. Марина — через пять минут. Я посмотрю, кто смотрит на вас.

Марина усмехнулась:

— Бывший следователь всё ещё верит, что мир состоит из наружного наблюдения, протокола и плохой лестницы.

— Мир состоит из людей, которые потом говорят: «Я просто стоял у двери», — ответил Дамиан. — Вот их я и люблю замечать заранее.

Здание, где когда-то располагался фонд «Восход», стояло в центре города, на улице с банками, нотариальными конторами и маленькими кафе, где утром пахло кофе дороже средней пенсии. Дом был старый, дореволюционный, с тяжёлыми стенами и узкими окнами; но его недавно вымыли, подкрасили, закрыли тёмными стёклами и повесили над входом новую вывеску: **«Бизнес-центр. Юридические услуги. Аренда офисов»**.

Под вывеской торчала камера. Ниже — домофон с металлическими кнопками, на которых не было ни одной фамилии. Только номера кабинетов. Дом больше не называл людей по именам.

Сергей остановился на другой стороне улицы и несколько минут смотрел, как туда входят посетители. Одни подносили к считывателю пластиковые карточки. Другие звонили кому-то с мобильного, и дверь открывалась без вопросов. Третьи — курьеры, юристы с папками, женщины в строгих пальто — проходили так, будто это была не дверь, а привычка.

Потом к входу подошёл пожилой мужчина в кепке. В руках он держал прозрачный файл, в котором лежали пожелтевшие бумаги. Он нажал кнопку домофона, наклонился к решётке и сказал слишком громко:

— Мне к управляющим фонда. Я акционер.

В динамике что-то щёлкнуло.

— Какого фонда?

— «Восход». Мне сказали, тут был адрес. Я уже в архив ходил, в регистр ходил, в приписку писал. Мне надо спросить, где мои акции.

Пауза длилась недолго.

— Такой организации здесь нет.

— Так раньше была! У меня бумага есть. Я не милостыню прошу, я своё хочу узнать.

Дверь не открылась. На этот раз даже щелчка не было. Старик ещё раз нажал кнопку, потом постучал костяшками пальцев по стеклу — не сердито, а растерянно, как стучат в чужую квартиру, где должны были знать твою фамилию. Изнутри вышел охранник, широкий, с бритым затылком и маленькой гарнитурой в ухе.

— Отец, не мешайте проходу.

— Я акционер, — повторил старик. — У меня свидетельство.

— Акционеры принимаются по записи.

— Запишите.

Охранник чуть поморщился. Видно было, что эта просьба нарушила порядок сильнее, чем крик.

— Запись не у меня. Звоните в организацию.

— Так организации нет, вы же сказали.

Охранник посмотрел мимо него, на улицу, будто там находился начальник, которому надо было показать правильное лицо.

— Дедушка, не устраивайте. Я тут тоже на работе.

Эта фраза прозвучала как печать: не устраивайте. В ней не было угрозы, только усталое право не объяснять. Старик прижал файл к груди и отошёл к стене. Через минуту дверь открылась для молодого человека с кожаным портфелем. Тот даже не поднял глаз на охранника.

Сергей почувствовал, как внутри поднимается знакомая злость — не горячая, а сухая. В документах он видел сотни таких людей: «владелец бона», «акционер», «участник программы». На бумаге они были частью народного капитализма. У настоящей двери их называли «дедушка, не мешайте проходу».

Марина появилась у перехода раньше условленных пяти минут. Она уже всё видела.

— Вот тебе вся реформа в одной сцене, — сказала она негромко. — Одним карточка, другим динамик.

— Не начинай сейчас.

— Я ещё не начинала.

Но Марина уже начинала. Она подошла к пожилому мужчине так, как умела только она: не напугав, но и не оставив ему возможности исчезнуть в собственной обиде. Назвалась, показала удостоверение, не диктофон — сначала удостоверение. Старика звали Петру; когда-то он работал слесарем на авторемонтном заводе. Боны в «Восход» он передал вместе с женой. Потом приходили письма: предприятие убыточное, дивидендов нет, собрание состоялось, решения приняты. На собрании он не был ни разу.

— А вы пытались попасть к управляющим раньше? — спросил Сергей.

Петру усмехнулся без веселья.

— Сынок, я к ним ходил, пока ноги ходили лучше. Сначала говорили: ждите уведомления. Потом: фонд переехал. Потом: фонд реорганизован. Потом: срок обращения прошёл. Я им говорю: у меня жизнь прошла, а не срок. Они улыбаются.

Марина записывала в блокнот короткими резкими строками. Когда Петру вынул из файла свидетельство, охранник снова повернул голову. Дамиан, стоявший у витрины табачного магазина, едва заметно покачал головой: не здесь.

Марина всё равно спросила:

— Можно я сфотографирую?

— Можно. Только мне от фотографии что?

— Пока ничего, — честно сказала она. — Но без таких бумаг они будут говорить, что к ним никто не приходил.

Петру разрешил. Марина сняла свидетельство так, чтобы в кадр попала и тёмная дверь за его плечом. Это было почти неприлично — использовать человека как доказательство места. Сергей хотел сказать ей об этом, но промолчал. Марина не была жестокой. Она просто знала, что слабый кадр проигрывает сильной лжи.

У газетного киоска их ждал старик с пачкой утренних газет под мышкой. Он давно торговал не столько газетами, сколько привычкой стоять на этом углу. Лицо у него было сухое, глаза — цепкие.

— Вам не газеты нужны, — сказал он Сергею, когда тот купил одну, не посмотрев на название.

Сергей насторожился.

— А что?

— Вы вчера про фонд спрашивали. И сегодня опять. Я здесь с восьмидесятых стою. Сначала киоск был государственный, потом частный, потом вообще без названия. Дом менял вывески чаще, чем я очки.

Они отошли к остановке. Дамиан встал так, чтобы видеть и киоск, и вход в здание. Марина достала диктофон, но старик сразу поднял ладонь.

— Не надо железку. Я не артист.

— Хорошо, — сказала Марина и убрала диктофон. — Тогда просто расскажите.

Старик говорил негромко, с той осторожностью, которая приходит не от слабости, а от долгой памяти.

— Первые годы сюда народ шёл как на праздник. Женщины в хороших платьях, мужики после смены, с руками в мазуте. Бумаги в пакетах, боны, доверенности. Спрашивали: когда собрание, когда дивиденды, кто директор. Им отвечали: ждите письма. Потом стали приходить злые. Потом — старые. Потом перестали. А другие не перестали.

— Какие другие?

— Те, у кого водители. Те, кто заходил не через парадную, а со двора. У них папки были не в целлофане, а в коже. И охрана с ними здоровалась не «куда», а «добрый день».

Марина быстро подняла глаза.

— Вы помните кого-нибудь?

— Лица забываю. Машины помню. Была чёрная «Волга». Номер не весь, но две цифры помню. На ней приезжал человек из комиссии. Его все ждали. Когда он входил, директор фонда вставал.

Фраза легла между ними тяжело и точно. Сергей попросил повторить. Старик повторил и тут же пожалел: плечи у него стали уже, взгляд ушёл к двери бизнес-центра.

— Вы меня не впутывайте. Я газетами торгую. Старый человек, мне геройства не надо.

— Геройства и не будет, — сказал Дамиан.

Старик посмотрел на него внимательно, будто узнал не лицо, а интонацию.

— Вы из милиции?

— Был.

— Тогда знаете: у нас сначала спрашивают, что видел, а потом спрашивают, зачем смотрел.

Дамиан кивнул. Он знал. В прежней работе он слишком часто видел, как свидетель превращался в виноватого уже потому, что оказался рядом с правдой. Поэтому он не обещал старику защиты, которую не мог дать. Он только записал две цифры номера и место, где, по словам газетчика, машины заезжали во двор.

— Этого мало, — сказал он, когда старик ушёл к киоску.

— Для суда мало, — ответила Марина.

— Для статьи тоже мало, если не хочешь потом два года ходить по заседаниям и доказывать, что старик не придумал «Волгу» от скуки.

— Виктор, я работаю не первый день.

— Именно поэтому пока жива.

Она хотела резко ответить, но сдержалась. Между ними уже складывалось странное рабочее равновесие: Марина умела открывать людей вопросом, который почти нарушал приличия; Дамиан умел вовремя положить ладонь на край стола и не дать вопросу стать поводом для чужой мести. Сергей пока учился не мешать обоим.

Внутри они вошли через десять минут. Дамиан нажал кнопку домофона сам.

— К кому? — спросил динамик.

— Архивная справка по инвестиционному фонду «Восход». У нас запись.

Записи, конечно, не было. Но голос в динамике не стал проверять. Возможно, слово «архивная» звучало достаточно скучно, чтобы не пугать. Возможно, Дамиан произнёс его с тем служебным спокойствием, после которого люди начинают искать журнал посетителей.

Дверь щёлкнула.

В холле пахло свежей краской, дешёвым освежителем и чем-то старым, что не смогли вывести ремонтом: пылью из щелей, мокрым камнем, бывшей канцелярией. На стене висел глянцевый план этажей. Первый — нотариус, страховой брокер, обмен валют. Второй — юри-

дические услуги, регистрация предприятий, консультации. Третий — «служебные помещения». Без названий.

Охранник за стойкой был тот же, что отогнал Петру. Теперь он вежливо протянул журнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.